

Никулина, Ю.В. Философско-теологическое осмысление исторического процесса в современном протестантском модернизме / Ю.В. Никулина // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. – Мн: БГУ, 2004. – С. 24–26.

Ю. В. НИКУЛИНА
Республика Беларусь, г. Минск

ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ ПРОТЕСТАНТСКОМ МОДЕРНИЗМЕ

Протестантская теология представлена сегодня многочисленными разновидностями. Свойственная ей простота идей и мнений приводит к тому, что круг интересов и личность автора находят свое отражение в их концепциях, затрагивающих проблемы философии истории. И через эту личностную позицию просматриваются различные варианты свойственного протестантской теологической традиции убеждения в религиозном содержании повседневной жизни человека (в сфере культуры) и вытекающего из него отношения к человеческой личности как к «соучастнице Божественного замысла» и реализации этого замысла в историческом процессе.

Феномен, называемый «протестантским модернизмом», формируется в конце XIX–начале XX в., когда ведущим направлением в протестантизме становится либеральная теология. Либеральные теологи (А. Ричль, А. Гарнак, Э. Трельч) поставили вопрос о соотношении откровения с историей. Историческая реальность предстает как наделенная высшим Божественным смыслом, где находят свое выражение и реализацию потенция «Царства Божьего» на Земле. Так, например, учение А. Гарнака основывается на убеждении, что христианская религия может быть понята исторически как основная, главная часть культуры. Будучи убежденным в прогрессивном историческом развитии человечества, А. Гарнак утверждает внутреннюю целостность истории культуры и религии, базируясь на обосновании их включенности в общий процесс прогрессивного движения общества.

Оптимистический взгляд на будущее человечества, свойственный либеральным теологам, у А. Гарнака связан с его уверенностью в том, что смысл человеческого существования раскрывается только в контексте культурно-исторического опыта, который имеет непосредственное влияние на настоящее. Цель истории теолог видит в достижении человечеством наивысшего культурного развития посредством просвещения на основе христианского вероучения (в первую очередь этики).

В границах создания своей концепции философии истории Э. Трельч акцентировал внимание на том, что религиозные институты не только испытывают влияние социально-экономических условий своего времени, но и оказывают на них обратное воздействие посредством формирования новых правил, норм и ценностей, регулирующих все стороны общественной жизни. В понимании Э. Трельча общезначимость и объективность, свойственные культуре, позволяют ей воспринимать историю как становление действующей в ней метафизической силы, открывающей широкие горизонты интегрирования различных сфер духовного постижения мира человеком. Историзация культуры и религии сочетается у Э. Трельча с присутствием бесконечного в конечном, с пониманием исторического развития как самовыражения трансцендентальной идеи. Отсюда вытекает, что новый синтез ценностей и исторический прогресс возможны лишь при ориентации на ценности высшего порядка, каковыми являются религиозные ценности, проникнутые абсолютным духом и выражающие его движение во времени.

Другой выдающийся протестантский теолог, представитель неоортодоксии П. Тиллих трактует историю как нечто возникшее вне мира, привнесенное событием явления Иисуса как Христа. Лишь в отношении такого исторического времени можно

говорить о смысле или цели, где цель истории заключена в ее конце. Целью истории П. Тиллих видит восстановление некогда утраченного союза человека с Богом, хотя по-

следний стоит вне динамики развертывания истории. Конец истории здесь выступает в качестве соединения цели как идеала с концом временности в акте встречи с Богом. Приближение к цели означает выход за рамки истории, приближение к Царству Божьему и Вечной жизни.

В человеческой истории Бог представлен Иисусом Христом. Явление Иисуса как Христа выступает высшим проявлением откровения в истории, при помощи которого преодолевается отчуждение. Это центральный и поворотный пункт в истории («кайрос»), экстатический элемент человеческой истории, ее центр, придающий смысл всякой возможной и актуальной истории. Завершение истории мыслится П. Тиллихом как восстановление единства человеческой экзистенции с сущностью, т. е. преодоление конфликтов исторического существования людей.

История – это прежде всего форма существования человека, который является «конечным» существом, и осознает это. Постигнуть суть исторического процесса для человека представляется возможным посредством «горизонта» его временного существования. Причем палитра возможных вариантов интерпретации истории чрезвычайно пестра и зависит от принадлежности человека к той или иной традиции. Наиболее подходящим фундаментом для осмысления исторического процесса является понимание мира, которое предлагает христианство.

Другой значимый представитель неоортодоксии Р. Нибур, осмысливая и давая оценку историко-культурному процессу, пытается предложить собственную схему социокультурного развития западного общества. Теолог выделяет две ключевые культурные традиции, на которых формировалась наша цивилизация, – библейскую и эллинскую. Библейское видение мира исторично, зиждется на осознании трагедии индивидуального существования перед лицом Бога. Эллинское же миропонимание сосредоточено на постижении законов, подчиняющих себе природно-космический универсум. История здесь предстает лишь эманацией вечности и лишена самостоятельной значимости. Христианство выступает как синтез этих двух традиций при прерогативе библейской.

Социальная позиция Р. Нибура основывается на убеждении в необходимости невмешательства человека в исторический процесс, поскольку, с его точки зрения, подобное вмешательство может привести к крайне негативным последствиям. Для него все социальные проекты неабсолютны, а долгосрочные планы вообще опасны. Поэтому социальная активность, по его мнению, должна быть ограничена лишь поступательной реформаторской деятельностью. В целом, человек может лишь, проникнувшись чувством вины перед Богом, надеяться на силу Божественной любви.

Р. Нибур тем не менее верит в исторический прогресс общества. Он уверен в возможности реализации «Царствия Божьего» на Земле (в частности, в Америке) с помощью воспитания людей на христианских идеалах любви и справедливости. Будучи убежденным в том, что социальная несправедливость находит свое отражение в политике, морали, в формировании различных исторических типов культуры, традициях, Р. Нибур считает, что она может быть преодолена путем реализации христианской концепции исторического прогресса.

Христоцентризм, исторически свойственный протестантской традиции, в целом является характерной установкой большинства представителей так называемой теологии «мертвого Бога» (Т. Альтицер, Г. Ваханян и др.). Особенность заключается в том, что в образе Христа они видят в первую очередь совершенного человека, идеал. Наиболее ярко этот «светский христоцентризм» выражен у Т. Альтицера. Основным мотивом его

творчества становится проблема участия Бога в человеческой истории посредством его воплощения в Иисусе Христе. Пытаясь отграничить в начале своего творчества «христианский атеизм» от светского, утверждая, что «воплощенное слово идет от Бога к Иисусу, а

затем от исторического Иисуса к универсальному телу человечества», он постепенно приходит к выводу, что Бог, каким он представлен в классической христианской доктрине, должен был умереть, чтобы облегчить людям обретение подлинной веры.

Г. Ваханян уточняет смысл идеи «смерти Бога» в современной западной культуре. «Смерть Бога», определяемая им как вполне конкретное культурное событие, культурный феномен, означает конец определенной духовной традиции, которая характеризуется категориями «бытия», «природы» и «конечности истории». Таким образом, мертвым оказывается лишь определенное понятие Бога. Именно в этом состоит смысл утверждения, что религия и культура традиционной Европы и Америки нашли свое завершение в «смерти Бога». Но последняя ни в коем случае не должна восприниматься как трагедия западной культуры, которую необходимо преодолеть обновлением религиозного искусства или возрождением христианской веры: постхристианская эпоха является продуктом самого христианства. Однако Г. Ваханян убежден, что эпоха «смерти Бога» может быть только переходной. Возможно, что новые исторические условия и культурные силы вновь воспримут то, от чего отказалась сегодня западная культура.

Таким образом, в протестантском философско-теологическом модернизме выдвигаются различные парадигмы осмысления исторического процесса. Но для всех концепций общей является цель обоснования необходимости «религиозного фундамента» всей современной цивилизации и ее истории.